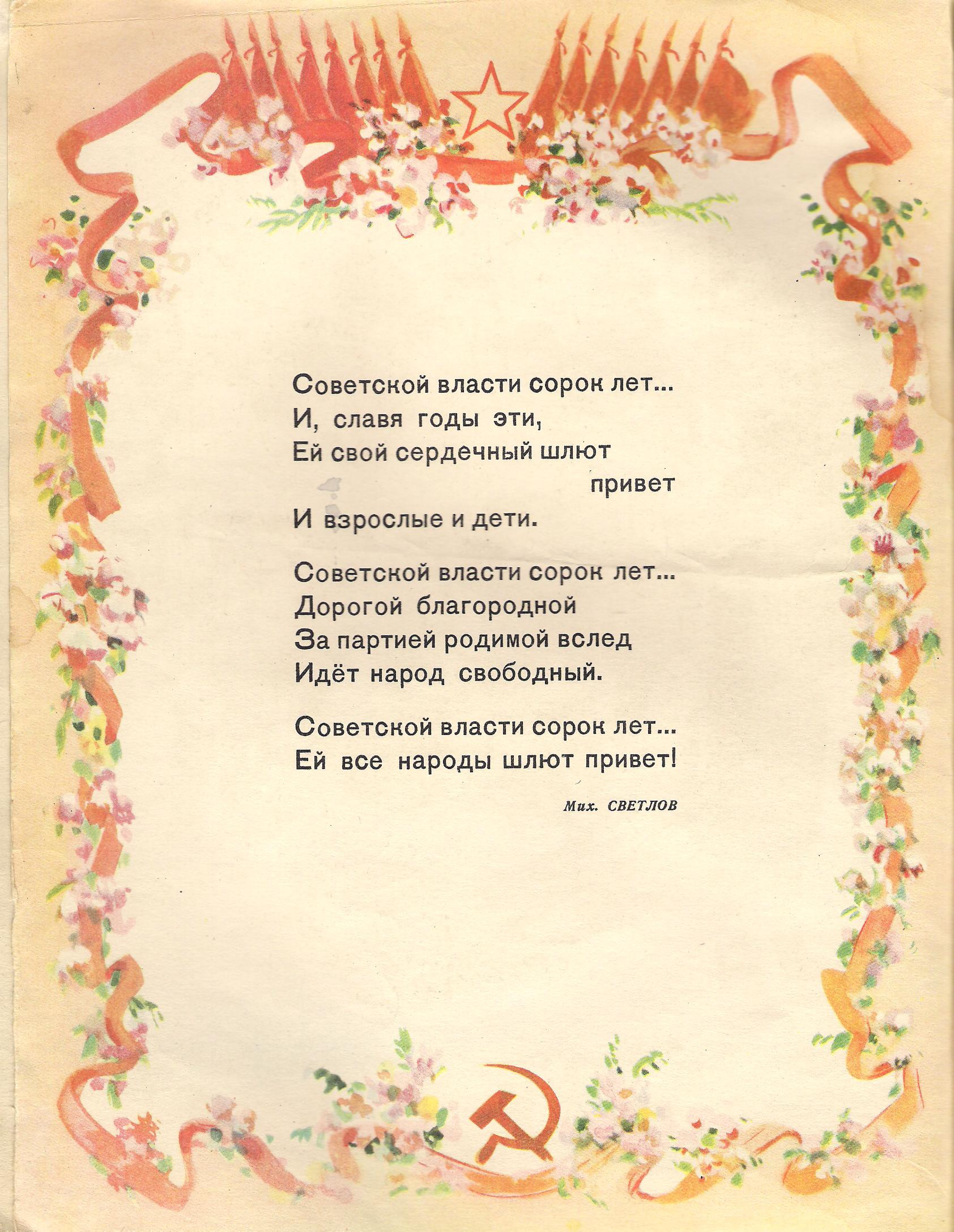

МУРЗИЛКА

№ 11 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов НОЯБРЬ 1957

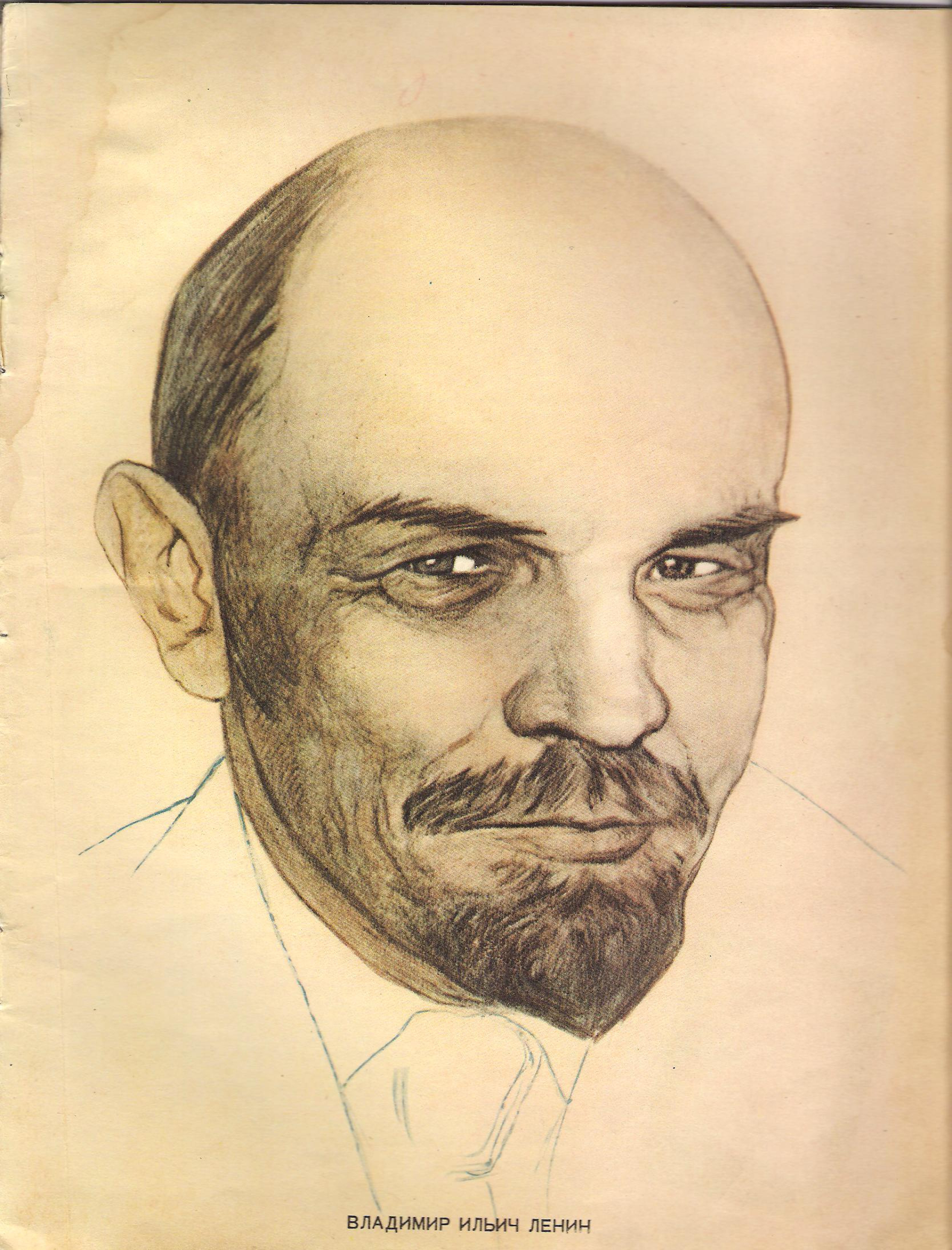

Советской власти сорок лет...
И, славя годы эти,
Ей свой сердечный шлют
привет
И взрослые и дети.

Советской власти сорок лет...
Дорогой благородной
За партией родимой вслед
Идёт народ свободный.

Советской власти сорок лет...
Ей все народы шлют привет!

Мих. СВЕТЛОВ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

ТАНЯ

Н. ОТТЕН

Петроградская осень семнадцатого года упорно не хотела уступать место зиме. В конце октября по старому стилю уже выпал и снег, подморозило. Два дня, 24 и 25 октября, продержалась зимняя погода, потом всё опять потекло, заморосил дождь и улицами завладел сырой, пронизывающий ветер.

Мать перевезла Таню в Смольный. Оставлять её дома она больше не могла. Трамваи ходили плохо, а пешком маме надо было добираться из Смольного добрых полтора часа.

Здесь Тане было куда интереснее. По утрам она выбиралась из своей комнатки в подъезд.

Только просыпаться было теперь удивительно. Лежит Таня на лежаночке, и кажется ей, что стоит открыть глаза — и вот он, знакомый подвал за Нарвской заставой. Там она родилась, оттуда они с матерью провожали отца на германскую войну, там плакала мама, когда отца убили. В этом подвале девочка заболела, долго лежала и получила свои костыли. Всё было там знакомо: и мокрые стены, и пар, застилающий комнату, как только затопится печка, и даже мокрицы, медленно путешествующие от потолка к полу и обратно. А здесь, в Смольном, белые чистые стены, высокие потолки, холод и с утра всё нарастающий шум от людей.

Когда Таня утром выходила на лестницу, люди только начинали приходить. И тогда сверху спускался невысокий человек в чёрном пальто и кепке, с небольшой бородкой. Он вёл под руку маленькую женщину в стоптанных ботинках и рваных калошах, с зонтиком в руке. И каждый раз Танина мама говорила:

— Дождь!.. Куда это вы идёте в такую погоду, Владимир Ильич?

— На воздух! Свежий воздух — это то, чего нам больше всего не хватает при нашей работе. Правда, Надя?

Крупская кивала, одновременно приветствуя этим Танину маму и соглашаясь с Владимиром Ильичём.

Скоро Владимир Ильич возвращался один. Таня знала, что Надежда Константиновна служит далеко отсюда и прямо с прогулки ушла на работу.

Начиналось Танино время.

Владимир Ильич поднимался на один пролёт лестницы и говорил:

— Таня, ау!

40 лет Октября

Много на земле разных народов и много на свете разных языков. Ты живёшь в Советской стране, говоришь и учишься на своём родном языке. Где-нибудь в Корее живёт мальчик Ким, и у них в школе звучит совсем другой язык. А чех Янек, житель Праги, говорит по-чешски.

Встретишься ты с Янеком и не сумеешь с ним поговорить: не знает он русского языка, а ты не знаешь его языка. Но стоит только произнести слово ЛЕНИН, маленький Янек сразу поймёт тебя.

Весь мир знает имя великого Ленина и глубоко чтит его память.

Ты тоже не мало знаешь о Владимире Ильиче Ленине. Но он так много сделал хорошего людям, что всю жизнь ты будешь узнавать новое о великом учителе всех трудящихся людей на земле.

Прочитай книги о Ленине, написанные для ребят.

И они оба ждали, пока на лестнице не стихнет гулкое эхо. Тогда приходила очередь Тани, и она отвечала:

— Ау-у!

И пока катилось эхо, повторяя Танин голос, Владимир Ильич поднимался ещё на полэтажа и снова произносил:

— Таня, ау!

Таня по этим «ау» считала этажи. Вот третий этаж, и откуда-то сверху голос Владимира Ильича:

— Таня, ау!

И сквозь замирающее эхо Таня слышала быстрые шаги и кричала вслед уходящему в свой рабочий кабинет Ленину:

— Ау!.. Ау!.. Ау!..

Потом Таня, стуча костылями, уходила к себе, ложилась на лежанку и клала рядом костыли.

— Туберкулёз? — спросил Ленин и потрогал эти костыли, когда впервые увидел Таню. Он выспросил её о жизни, о сыром подвале, в котором заболела Таня, о нужде, об убитом на фронте отце, о дорогих докторах и лекарствах, которых нельзя достать. Он расспрашивал долго, заставлял рассказывать подробно, а затем сказал серьёзно: — Вот со всем этим мы и боремся... Победит революция, и не будет у нас голода, детского туберкулёза, вот таких костылей...

Таня с тех пор всё рассматривала свои костыли, ей очень хотелось, чтобы поскорее настало время, когда их не будет. Но костыли никуда не исчезали. Таня быстро уставала и засыпала по нескольку раз в день. Заснула она и на этот раз.

Разбудили её голод и голоса. В комнате, кроме мамы, сидели двое мужиков, которые приехали из маминой деревни. Они ели щи. Мама сказала Тане:

— Похлебай, пока горячие!

Девочка почувствовала во рту надоевший вкус этих жидких, «пустых» щей, состоящих из воды и капусты. Ей совсем расхотелось есть, и она закрыла глаза.

Один из крестьян осторожно спросил:

— А правда, что теперь у нас Ленин самый главный?

Танина мама удивлённо посмотрела на него:

— Он же с тобой говорил?

— Говорил...

— Всё объяснил?

— Всё, до самого донышка, и как жить и что дальше делать... Только... щи больно жидкие хлебает. У главных щи погуще будут.

— Теперь все жидкие щи хлебают, — рассердилась мать. — Какие все, такие и Ленин. Он потому и самый главный, что как народ, так и он, как он, так и народ.

Таня решительно села и протянула руку к тарелке. Ей очень хотелось повторить слова Владимира Ильича про то время, когда революция победит и не будет ни голода, ни детских болезней. Но она только сказала:

— Щи ничего, есть можно, раз надо. А победим, и ничего плохого не будет, а будет одно хорошее.

40 лет Октября

...Это было много лет назад. В царской тюрьме умирал от чахотки революционер. Ходить он уже не мог и поэтому очень завидовал тем, кто бывал в тюремном дворе во время коротких прогулок.

Он мечтал хотя бы ещё раз посмотреть на синее весеннее небо, подышать настоящим воздухом, а вокруг были одни каменные плиты.

Умирающему революционеру помог его друг. Он взял товарища на спину и вынес его во двор. Друг сам был очень слаб, но круг за кругом нёс он по тюремному двору задыхающегося от счастья товарища.

Этим мужественным человеком и добрым другом был Феликс Эдмундович Дзержинский.

Всю свою жизнь Феликс Дзержинский отдал борьбе за народное счастье, отдал революции. Одиннадцать лет, почти четверть своей жизни, просидел он в царских тюрьмах. Жандармы пытались запугать его, но напрасно. Недаром большевики называли его «Железным Феликсом».

Вы, ребята, обязательно прочитайте книгу о Дзержинском, которую написал писатель Юрий Герман. Жизнь Дзержинского — это история великой революции, а вы должны много знать о ней. Ведь её герои сделали вас счастливыми.

НОВЫЙ ДОМ

А. НЕКРАСОВ

Рис. Б. КЫШТЫМОВА, Л. ЛАММА

В переулке, где мы живём, перед самыми окнами стоял маленький домик. Он, говорят, лет сто простоял, может, и больше.

Но вот этой весной как-то смотрим: выносят вещи из домика... Вынесли, погрузили в машину и увезли. И жильцы ушли: Ольга Сергеевна, Фёдор Иванович и девочка лет восьми, Наташа — их внучка. Они только втроём там и жили...

А теперь вот ушли и даже дверь не заперли.

Прежде, бывало, на окнах у них цветы, занавесочки, по утрам дымок из трубы, вечером свет... А тут окна слепые, одно даже выбито, и печка не топится, и света нет. Фонарь с номером и тот не горит по ночам. Скучный стал домик.

С неделю он так постоял. А потом, утром как-то, слышим: грохот, лязг... Подъехал экскаватор, потоптался на гусеницах, зашёл с угла, размахнулся когтистой лапой, загрёб снизу вверх — только пыль пошла.

А когда осела пыль, смотрим: угла у домика нет. И видно всё, что там внутри, в доме.

А экскаватор опять размахнулся... Раз! — и ещё полстены сгрёб и бросил в самосвал. Тут уж и крыша поползла набок и потолок рухнул...

В обед я пришёл с работы, смотрю: где был домик, ставят высокий забор с навесом. А экскаватор не уходит, ползает. У них там за домиком был большой пустырь. Вот там и трещал экскаватор. А вечером ещё один пришёл. Они там вдвоём что-то рыли всю ночь.

А утром я уехал в дом отдыха, в отпуск.

* * *

К завтраку я опоздал. Но меня всё-таки накормили и показали столик в столовой.

— Вот здесь, — сказали, — будете кушать. Тут как раз трое новеньких, а четвёртое место свободно.

Я пришёл к обеду. Вижу: сидят за моим столом московские соседи. И Ольга Сергеевна, и Фёдор Иванович, и Наташа тут же.

Поздоровались, разговорились. Я спрашиваю:

— Где же вы теперь-то?

— А мы, — отвечает Фёдор Иванович, — неделю гостили у знакомых, месяц вот здесь поживём, лето будем на даче, а осенью домой.

— Как, — говорю я, — домой? Дом-то ваш снесли начисто.

— А нам, — сказала Наташа, — новый дом построят, большой-большой — семиэтажный!

— Постой, — говорю я, — как же это тебе за лето семиэтажный дом построят?

— А вот и построят. Очень даже просто, возьмут и построят, — сказала Наташа и даже плечами пожала: что, мол, тут особенного?

— Ишь ты, — говорю, — какая шустрая! Ты вот наш дом знаешь?

— Знаю, а что?

— А то, что он в четыре этажа, а его года три строили, пожалуй, и все четыре...

— Ну и что же, что четыре? Ваш-то дом простой, а наш скоростной, — сказала Наташа и умчалась куда-то.

Мы за ней пошли потихоньку. И пока шли, Фёдор Иванович мне говорит:

— А Наташка-то права, между прочим... теперь по-новому строят. Где раньше пять лет возились, там теперь за пять месяцев управляемся. А иначе нельзя: народу-то в городах прибывает. В старину тесно жили, а теперь и того теснее.

— Ну уж это ты брось, — перебила Ольга Сергеевна, — или забыл, как мы-то с тобой ютились? Мы, как поженились, — обернулась она ко мне, — дали нам уголок в бараке, пол земляной, стены сквозные, крыша течёт... А сюда-то мы въехали, как революция началась.

Тут опять прибежала Наташка с полной авоськой в руке. Она взяла авоську за углы, высыпала груду разноцветных кубиков, разровняла ладошкой площадку на дорожке и уселась прямо на песок.

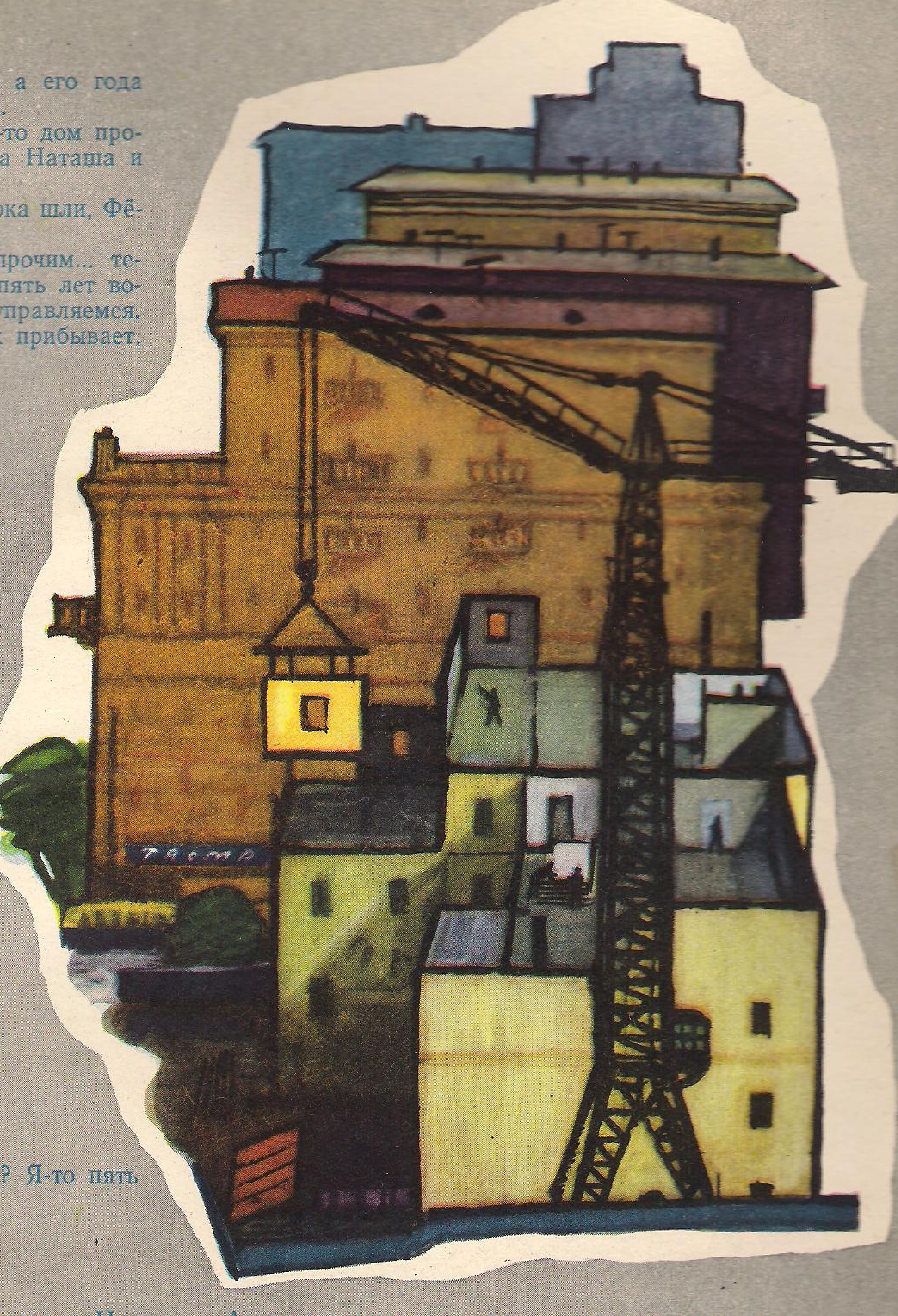
— Вот, — говорит, — хотите покажу, как наш дом будут строить?

Взяла кубик, другой, третий. И пяти минут не прошло — вырос на дорожке домик в четыре окна.

— Видали? — говорит Наташа.

— Видать-то видал, — отвечаю я, — да ведь этот-то домик такой, как ваш был, а тот — семиэтажный.

— Ну и что же, что семиэтажный? Я-то пять минут строила, а там — целое лето!

* * *

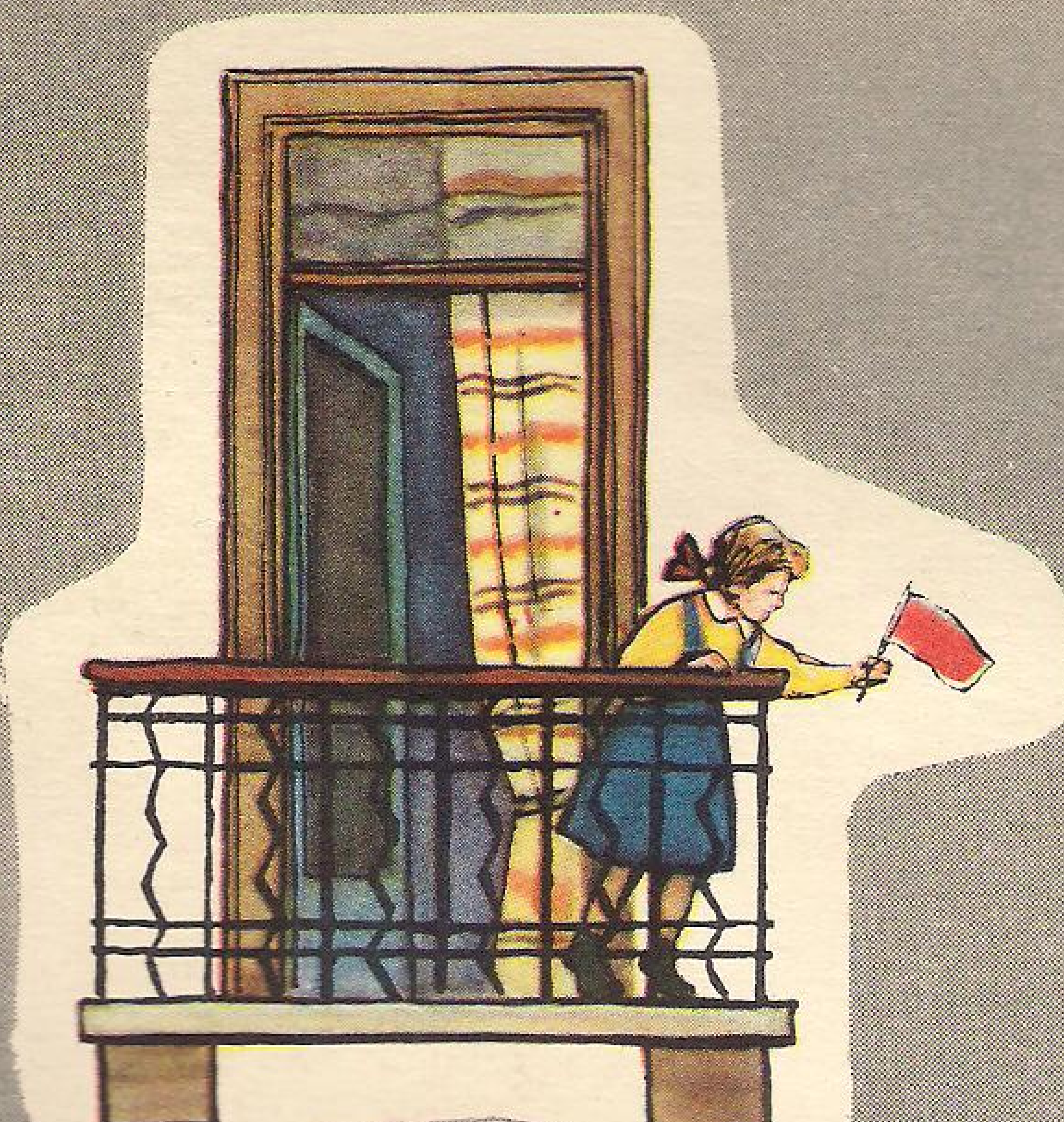
Так незаметно и прожили мы этот месяц. Наташа бегала, прыгала через скакалку, собирала цветы, строила города из кубиков, а иногда шалила, спорила с бабушкой и со мной. А потом мы уехали: они на дачу, а я домой.

Приезжаю, смотрю: экскаваторов нет на пустыре. И пустыря нет. И ничего больше не увозят отсюда, а сюда везут: и балки, и трубы, и доски, а больше всего каменных плиток. Везут гладкие плитки, сплошные, вроде Наташиных кубиков, только очень большие. Везут плитки с окнами посередине, с готовыми рамами, только без стёкол. Везут плитки с дверями... Везут плитки потолще, везут потоньше... Целые горы навезли.

А вдоль этих гор по всему пустырю ходит по рельсам кран вроде большущего журавля.

Остановится, протянет свой клюв, подцепит плитку, поднимет, повернётся и опускает тихонько. А тут двое рабочих подправляют её длинными палками с крючками, чтобы встала на место. А когда встанет, третий рабочий-сварщик забирается на неё, садится верхом, опускает маску на лицо, и тогда под рукой у него загорается яркий-яркий голубой огонёк и искры летят во все стороны. Так он посидит там минут десять, приклеит плитку к плитке — только не клеем, а железом, чтобы навек, — потом откинет маску и слезает. А тут уже новую плитку ставят.

За день чуть не полэтажа поставили. А неделю спустя и второй этаж начали. И сверху мне из окна видно было, что в каждом этаже будет по восемь квартир. А в квартиры ставили тонкие плитки с дверями и делили квартиры на комнаты. И лестницы, прямо готовые, ставили с площадками и с перилами, и даже целые маленькие комнатки ставили целиком, а в комнатке ванна с колонкой, умывальник и полочка, только потолка нет. А потом закончили этот этаж и стали потолки класть — тоже целыми плитками. Положат плитку — и получается сразу для нижней квартиры потолок, а для верхней — пол. Быстро работа шла, а народу почти и не видно.

Как-то раз вечером я пришёл с работы — тогда уже пятый этаж кончали, — смотрю: Фёдор Иванович стоит, разговаривает с инженером. Подошёл и я.

— Ну вот видите, — говорит он, — всего два этажа осталось. А там крышей накроем, отделаем — и всё. Как раз к осени и въезжать можно.

— Да, — говорю я, — действительно здорово. Быстро теперь с этим делом.

— Ну вот, — смеётся Фёдор Иванович, — вам быстро кажется, а меня начальство всё ругает, что медленно строим. Постановление-то читали? За десять лет мы для всех, кому нужно, жильё должны построить. Вот и нажимаем.

...Незаметно как-то пролетел конец лета. И дом незаметно достроили. Однажды я выглянул утром в окно — с крана голову снимают. Сняли и увезли куда-то — на другую стройку, наверное. А потом и ноги увезли и рельсы.

А потом в воскресенье как-то с утра глядим: подъехал грузовик с вещами, другой, третий. Начали жильцы съезжаться в новый дом. Вечером загорелся свет в окнах. И новые соседи появились. А однажды, смотрю, прыгает с ребятами Наташка. Я окликнул её из окна. Она бросила скакалку и примчалась ко мне, загорелая, весёлая.

— Что, — говорит, — видели, домик-то наш какой? А вы говорили, четыре года...

— Да нет, — говорю я, — это я про наш говорил...

— А про ваш теперь и говорить нечего. А мы теперь вон там живём, на четвёртом. Вон наш балкон. И к нам лифт ходит. Вот! А когда салют будет, с нашего дома станут ракеты пускать, потому что он больше всех у нас в переулке. А я на чердак полезу...

— Стой, — говорю я, — Наташка! Уж больно ты расхвасталась. Ведь дом-то не ты строила.

— Ну и что же, что не я, — отвечает она. — А у меня папа строит дома на Камчатке и мама. А дедушка здесь. А я ещё маленькая, а вырасту и тоже буду строить. Ваш первый сломаю и новый построю.

40 лет октября

Стоит на берегу Чёрного моря город-герой Одесса. Раскинулось синее-синее Чёрное море.

В Одессе в 1905 году восстали на броненосце «Потёмкин» матросы. Восстание было подавлено. Ушли в подполье революционные матросы. Но не сложили они оружие, а стали помогать большевикам в их борьбе против царизма. Об этом и написал свою книгу Валентин Катаев. Называется она «Белеет парус одинокий». Когда ты вырастешь чуть побольше, ты сам прочтёшь эту книгу, а сейчас попроси маму, или старшую сестру, или старшего брата. Пусть они почитают тебе про босоногого Гаврика, потомственного 9-летнего рыбака, который водил шаланду, лучше всех мальчишек Одессы играл в ушки и в свои 9 лет уже знал, как вкусен и как дорог кусок хлеба, добытый собственным трудом. Про дедушку Гаврика, которого полицейские забили до смерти в участке, а он так и не сказал, где скрываются подпольщики; про матроса Родиона Жукова и про гимназиста Петю Бачея, читающего с выражением немного грустное стихотворение Лермонтова:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Моим названым
внукам
Сяо Иню
и Бао Бао

Вит. БИАНКИ

На краю земного шара

Сейчас ты прочитаешь рассказ писателя Виталия Валентиновича Бианки «На краю земного шара». Но прежде чем ты начнёшь читать, мы хотим познакомить тебя с историей этого рассказа.

Посмотри, в правом верхнем углу страницы написано: «Моим названым внукам Сяо Иню и Бао Бао».

Кто эти Сяо Инь и Бао Бао?

Сяо Инь и Бао Бао — маленькие китайские мальчики-братья. Они живут в далёкой китайской столице городе Пекине и никогда не были в Советском Союзе.

А писатель Виталий Бианки — коренной житель Ленинграда. Он очень любит Китай, но бывать ему там не приходилось.

Как же так получилось, что у русского писателя появились внучата в Китае?

А вот как. Однажды в Ленинград, на Васильевский остров, в квартиру Бианки пришло письмо из другой страны, об этом легко было догадаться по обратному адресу и маркам на конверте. А когда вскрыли и прочитали это письмо, то узнали, что оно написано сёстрами Ван Юань и Вэнь Вэнь. Они писали, что перевели знаменитую «Лесную газету» Виталия Бианки на китайский язык.

Крепко подружился Виталий Валентинович со своими переводчицами, потому что русский народ очень симпатизирует китайскому народу, а китайский — русскому, потому что у писателя Бианки и его переводчиц одинаковое отношение к жизни, одинаковое отношение к плохому и хорошему. А скоро они так привыкли друг к другу, что у них появились общие заботы и радости, и если в Ленинграде случалось какое-нибудь важное событие, то это переживали и в Пекине. Так у Виталия Валентиновича появились две названые дочери.

А когда у Вэнь Вэнь родились два сына, то они оказались просто счастливцами: у них, кроме китайского дедушки, появился ещё и русский.

Очень понравились в Ленинграде фотографии мальчиков и их имена. И как могут не понравиться такие имена, если Сяо Инь — это значит «Маленький орёл», а Бао Бао — «Сокровище»!

А недавно Виталий Валентинович написал для своих внуков рассказ о Дальнем Севере. Ему хотелось, чтобы они узнали про то, какое огромное государство Советский Союз, добрый друг и товарищ народного Китая. И про Страну белого холода, о которой в жарком Пекине они и понятия не имеют.

Сяо Инь и Бао Бао ещё маленькие, но когда они вырастут, то обязательно приедут в Ленинград, к своему русскому дедушке.

Страна моя кончается на самом краю земного шара — в Ледовитом океане, где Северный полюс.

Про Дальний Север моей Родины я и хочу вам рассказать, дорогие мои внуки, чья родина — солнечный, жаркий Китай.

Белый холод

Там зима — ночь, а лето — день: солнце зимой не всходит на небо, а летом не спускается за край земли.

Там зимою — снегопады и вьюги, неба не видно за снежной завесой. Океан покрыт льдом, и стужа — белый холод — с земли до неба. И летом там белый холод: слабое солнышко не успевает растопить льды, ледяные пустыни плавают по океану. А когда с Северного полюса дунет ветер...

Я испытал это и видел, как всё живое: снежные куропатки, зайцы-беляки, нежные насекомые, — всё прижалось к земле.

Но только кончился северный ветер, — всё живое опять вскочило на ножки: забегали зайцы, поднялись на крыло куропатки, залетали комарики, запрыгали бескрылые мушки.

Бррр! — как холодно на Севере. Попробуй-ка высунь нос: он у тебя мигом отморозится и станет белым.

Чёрный нос

Там всё бело кругом, всюду снег и лёд. И всё живое белое: и заяц-беляк, и снежные куропатки, и белая лисичка — песец, и белая полярная сова. И даже медведи там белые с ног до головы. А то как бы они подкрадывались к своей добыче — тюленям? Океан-то покрыт белой ледяной крышкой. Сунься-ка чёрный зверь на лёд, тюлень сразу увидит — нырк! И ушёл под воду.

Тюлени делают себе во льду такие круглые дырки — продухи. И вылезают из них на лёд — подышать свежим воздухом, вздремнуть часок. Но спят они чутко, всё время просыпаются и оглядываются: не крадётся ли к ним медведь?

Вот раз охотился белый мишка в торосах: это битый лёд, как попало наваленные друг на друга льдины. Глядь, на гладком льду — чёрная башка! Тюлень из продуха высунулся. Покрутил, покрутил башкой — и весь вылез на лёд. Дышит. Глаза закрыл — задремал.

Белый мишка обрадовался: «Сейчас подкрадусь к нему — да цоп!»

Да вдруг вспомнил про свой нос. А нос у белого медведя чёрный. Так, небольшая нашлёпка, а всё-таки чёрного цвета. Начнёшь подкрадываться, тюлень увидит точку и скроется. Как быть?

Ну живо придумал!

Зашёл против ветра: чтобы его медвежьего духа к тюленю не нанесло. Лёг на брюхо. Нос прикрыл передними лапами и пополз, как черепаха, отталкиваясь задними ногами. Ползти-то пришлось ровным местом — торосы кончились.

А тюлень дремлет-дремлет — и откроет глаза. Осмотрится и опять задремлет.

Мишка ближе, ближе... Вот уж совсем близко...

Тюлень открыл глаза, поглядел в сторону мишки да вдруг бульк в продух — только его и видели!

Остался мишка с носом. Он так и не понял, как это тюлень его заметил, когда он

чёрный свой нос своими белыми лапами прикрывал?

А дело-то вот в чём. Чёрный мишкин нос — одна точка; одна-то всегда на снегу очутиться может — не страшно.

А на передних лапах у мишки по пять когтей — да гляди-ка каких здоровых! Тюлень как увидал десять чёрных полосок, так сразу и плюх в воду!

Очень просто!

Под снегом

Много островов, островков и просто скал, покрытых снегом.

Как взойдёт весной солнце на небо, покрывается снег на островах льдистой корочкой-настом. Идёшь по насту, проваливаешься — и с хрустом, с шумом он вокруг тебя рухает! И вдруг под ним — зелёная травка и нежные жёлтые цветки — полярные маки.

Оказывается, живая травка прожила здесь всю долгую-долгую зиму-ночь под снегом. Оказывается, снег для неё — не пропускающая холода крыша. Оказывается, цветки весной оживают и начинают дышать и с дыханьем отдают своё живое тепло. От их тепла рухает кругом снег и получается тёплая пещерка. В пещерку сквозь льдистую крышу наста пробиваются солнечные лучи, и с горки течёт талая водичка. Маки встают на свои короткие, тонкие цветоножки и распускаются нежным цветом.

Представьте только себе, как красиво у них в комнатках-пещерках!

Сквозь льдистую крышу льёт солнечный свет. Снежные стены искрятся и переливаются разноцветными звёздочками. Синет нефритом шёлковая травка. И среди неё — жёлтые лепестки нежнейших полярных маков.

Полярные маки не дурачки: они и не думают выглядывать из-под снежной своей крыши. Там, над нею, и при солнышке гуляет холодный, острый, как сабля, смертельный ветер. Мигом цветкам головы посечёт.

Красотой подснежных хором любуются только прыгучие мушки да крылатые комарики.

Надо же кому-то переносить пыльцу с цветка на цветок, раз уж нельзя для этого пользоваться ветром!

40 лет Октября

В 1917 году в нашей стране рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки. Помещики и капиталисты всего мира изо всех сил старались задушить молодую Советскую республику. Они двинули на нас свои полки. Началась гражданская война. У капиталистов орудия, танки и самолёты, а у нас в те времена железные дороги были разрушены, заводы и фабрики стояли. И всё же наша армия разгромила врагов. Победила она потому, что боролась за счастье всего нашего народа, и ещё потому, что в её рядах сражались бесстрашные люди — настоящие герои.

Кто не знает имени отважного командира Чапаева? Бойцы, товарищи знали его как простого и сердечного человека. А враги трепетали перед ним. Отборные вражеские части не могли устоять перед чапаевцами. Прочти книжки о жизни Чапаева — рассказы А. Кононова и В. Баныкина.

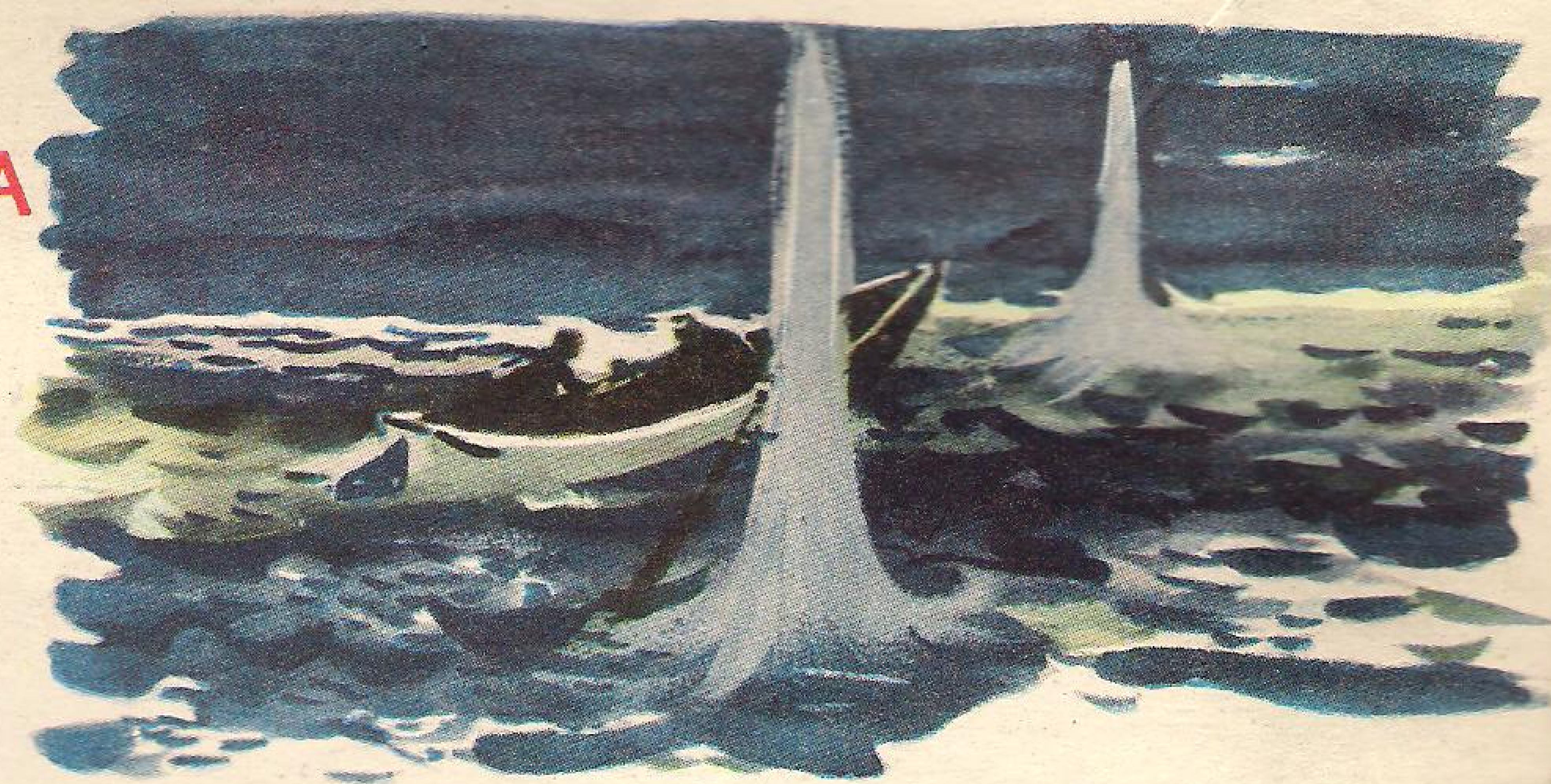
ШТУРМ ЗИМ

ЕГО ДВОРЦА

ХУДОЖНИК Е. ДЕШАЛЫТ

ПИОНЕРЫ ИЗ НИКОЛАЕВА

М. КОРШУНОВ

Рис. В. МЕДВЕДЕВА

ВИТЯ ХОМЕНКО И ШУРА КОБЕР

...1942 год. Южный город Николаев захвачен фашистами. Захвачен, но не покорён. Против фашистов в городе продолжала сражаться подпольная организация «Центр».

Кроме взрослых подпольщиков-коммунистов, в организации сражались и два пионера, два юных ленинца — Витя Хоменко и Шура Кобер. Они выполняли любую работу: были связными, расклеивали боевые сводки советского командования, выслеживали немецкие склады с горючим и продовольствием, записывали номера и названия фашистских полков и дивизий, которые следовали через город.

БАМБУКОВАЯ ПАЛКА

Однажды Витю Хоменко и Шуру Кобера срочно вызвали в штаб «Центра».

На этот раз поручение было особенно ответственным: Витя и Шура должны были добраться до Москвы и передать в главный партизанский штаб донесение.

В донесении говорилось, что подпольная организация «Центр» просит Москву прислать самолёт с патронами, взрывчаткой, пулемётами и автоматами.

Но добраться до Москвы нелегко: сотни километров пролегли между Николаевом и Москвой и повсюду вражеские дозоры и заслоны с паролями и пропусками.

Витя и Шура отправились в путь.

Они шли мимо сожжённых деревень и сёл, мимо разбитых бомбами городов и полустанков.

Они обманывали фашистские дозоры и заслоны, притворяясь то пастушками, потерявшими своих коров, то грибниками или рыболовами.

В дырявых башмаках, в линялых от дождей и солнца рубашках, с обломком бамбукового удилища они упрямо продвигались к линии фронта.

И кто бы мог подумать, что в обломке удилища, в этой бамбуковой палочке ребята несли в Москву донесение подпольщиков «Центра». Но вот остался позади Ростов.

Всё громче бьют пушки, всё ближе линия фронта.

Путь преградила река Кубань — широкая, сильная. Свои близко! Они на противоположном берегу! Но как к ним переправиться?

Два дня Витя и Шура бродили в камышах, искали лодку. Наконец в пустом сарае нашли маленькую плоскодонку. Ночью плоскодонку подтащили к берегу и спустили на воду. Поплыли.

Тихо поскрипывали уключины под взмахами вёсел. Дул встречный холодный ветер. Ребята напряжённо вглядывались в темноту, с нетерпением ждали берега.

Вдруг Шура взволнованно прошептал:

— Лодка течёт...

— Вычерпывай! — ответил Витя, не переставая грести.

И Шура начал торопливо вычерпывать ладонями, кепкой!

Но ветхая плоскодонка всё равно быстро заполнялась водой.

Вспыхнул немецкий сторожевой прожектор и скользнул вдоль реки.

— Скорее вплавь! — крикнул Витя, бросая вёсла.

Шура подхватил бамбуковую палку, и ребята поспешно нырнули.

Прожектор натолкнулся на лодку и тут же зашелестели в воздухе мины: фашисты открыли миномётный огонь.

А Витя и Шура плыли к своим. Одежда набухла, отяжелела. Бурное течение реки сносило в сторону, затягивало в глубину.

Но ребята — обессиленные, оглохшие от мин — всё-таки доплыли до берега, где были свои, доплыли с бамбуковой палкой.

В МОСКВЕ

Шура и Витя в Москве, в главном партизанском штабе.

Их принял начальник штаба. Он выслушал сообщение ребят о подпольной организации «Центр», потом каждого обнял и поцеловал за находчивость и геройство.

Тут же генерал распорядился отправить подпольщикам медикаменты и радиопередатчик для связи.

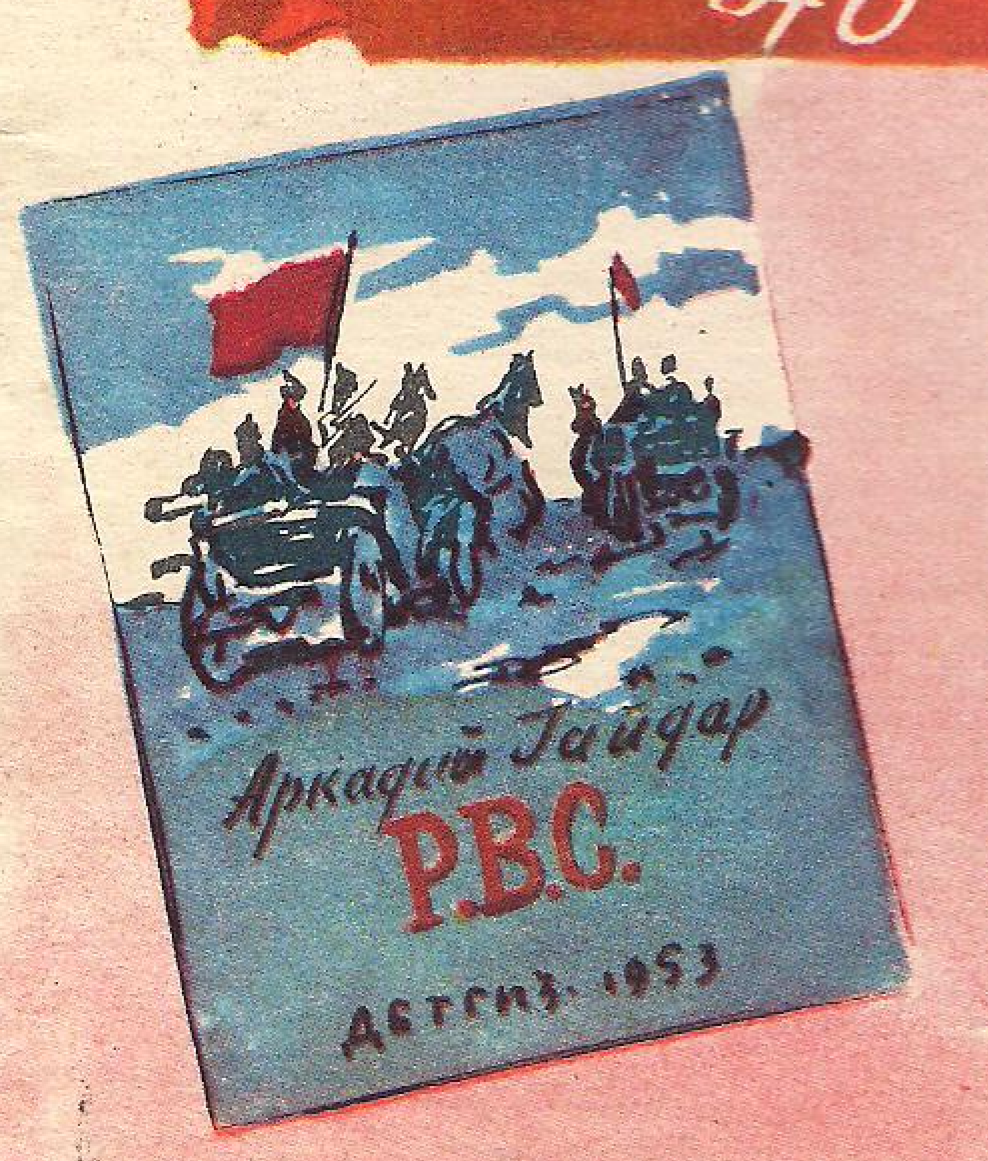
— Радисткой с вами отправится Лида Брыдкина, — сказал генерал. — Есть такая отважная девушка.

И вот Витя, Шура и Лида Брыдкина на московском аэродроме.

Транспортный самолёт готов к отлёту. В нём уложены грузовые парашюты с оружием, взрывчаткой, медикаментами и радиоаппаратурой.

На Вите и Шуре тоже надеты парашюты.

40 лет Октября

«Р.В.С.»! Про тревожные годы гражданской войны написана эта книга. Много было врагов у молодой республики. Насмерть бились красные герои! Сражался за советскую власть и Гайдар. А было ему всего 15 лет. Отгремела война, и Гайдару захотелось «рассказать новым мальчишкам и девчонкам, какая она была, жизнь, как оно всё начиналось...». Много написал он книг. И «Военную тайну», и «Школу», и «Дальние страны». Ты прочтёшь эти книги и обязательно захочешь быть похожим на мужественного Димку или на Жигана, который любил петь песни. И так хорошо умел писать свои книги Аркадий Гайдар, что будешь ты читать, например, «Р.В.С» и захочется тебе, чтобы поскорей пришли красные, да так сильно захочется, точно, если они не успеют прискакать до рассвета, то белогвардейцы найдут и расстреляют не комиссара Сергеева, а тебя. Больше всего на свете любил Гайдар Красную Армию. И поэтому самым лучшим его героем был храбрый командир — Всадник с красной звездой на груди!

Когда подлетали к Николаеву, из кабины пилота вышел бортмеханик и сказал:

— Вначале сбросим грузовые парашюты.

Открыли дверцу и один за другим сбросили грузовые парашюты.

Потом прыгнул Шура, за ним прыгнули Лида и Витя. Приземлились они в окрестностях Николаева.

Вскоре всё имущество было передано партизанам.

„МЫ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ ВАС!“

Витю и Шуру в закрытом полицейском автомобиле привезли в гестапо. Их предал провокатор.

В гестапо допрашивали долго и упорно — требовали, чтобы они выдали командование «Центра».

Ребята молчали.

Им не давали пить, ослепляли яркими лампами, били резиновыми трубками со свинцовыми наконечниками.

— Говорите!

— Отвечайте!

Но ребята продолжали молчать...

...5 декабря 1942 года Витю Хоменко и Шуру Кобера фашисты повесили на центральной площади города.

Утром возле ног героев-пионеров кто-то положил венок.

Венок лежал на снегу. На шёлковой ленте надпись: «Мы никогда не забудем вас!»

ВСЕМ ПИОНЕРАМ-ГЕРОЯМ

«Увековечить имена всех пионеров-героев!» — с таким призывом выступила украинская газета «Зирка».

8 февраля 1957 года «Зирка» напечатала письмо николаевских пионеров, которые решили поставить у себя в городе памятник Вите Хоменко и Шуре Коберу.

Деньги на памятник ребята собирают сами. Они отчисляют их от тех средств, которые получают при сдаче металлолома.

Тысячи юных ленинцев с разных концов Украины тут же откликнулись на призыв «Зирки» и на письмо николаевцев: надо поставить памятники всем пионерам-героям и самим собрать для этого деньги!

Теперь в газете «Зирка» создан постоянный раздел «Пионерская копилка». А государственный банк открыл ребятам специальный счёт, на который они могут перечислять деньги.

Едут к пионерам художники!

Едут скульпторы!

Городские Советы депутатов трудящихся уже выбрали для памятников самые хорошие и видные места.

Торжественная закладка памятников состоится в день 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Навсегда сохранится память о делах юных ленинцев, погибших на войне с фашизмом!..

40 лет октября

Москвичи знают станцию метро имени Кирова, а многие наши читатели-ребята живут и учатся в городе, который называется Киров. Советские люди с любовью берегут имя замечательного коммуниста Сергея Мироновича Кирова, имя человека, который не жалел сил для того, чтобы у нашего народа день ото дня жизнь становилась лучше, чтобы советские дети были самыми счастливыми на земле.

Особенно любят и помнят Сергея Мироновича ленинградцы. Много хороших дел свершили они вместе с товарищем Кировым: строили заводы, дома, школы, воздвигали новые города на далёком севере, умножали богатства нашей Родины.

Ты, конечно, хочешь знать, как рос и учился Сергей Миронович Киров, как он стал таким стойким революционером-коммунистом.

Прочитай книжку А. Голубевой «Рассказы о Серёже Кострикове».

ТОВАРИЩ ТРУД

Сын у окна сидит и ждёт
Товарища с утра.
Вторые сутки дождь идёт,
Беснуются ветра.

То стонут жалобно в трубе,
То за окном поют...
Возьмись за дело, сын,
К тебе придёт товарищ
Труд.

И никогда не даст скучать
Тебе товарищ Труд:
Начни стихи писать
в тетрадь,
Он будет тут как тут.

И это труд, когда в лесу
Срубают сухостой,
Когда лесную полосу
Сажаем мы весной.

А на заводе горячей
Я с детства труд познал,
У жарких огненных печей
Варю стране металл.

Взгляни в окно: там строят
дом
Там — украшают сквер...
Все люди заняты трудом
У нас в СССР.

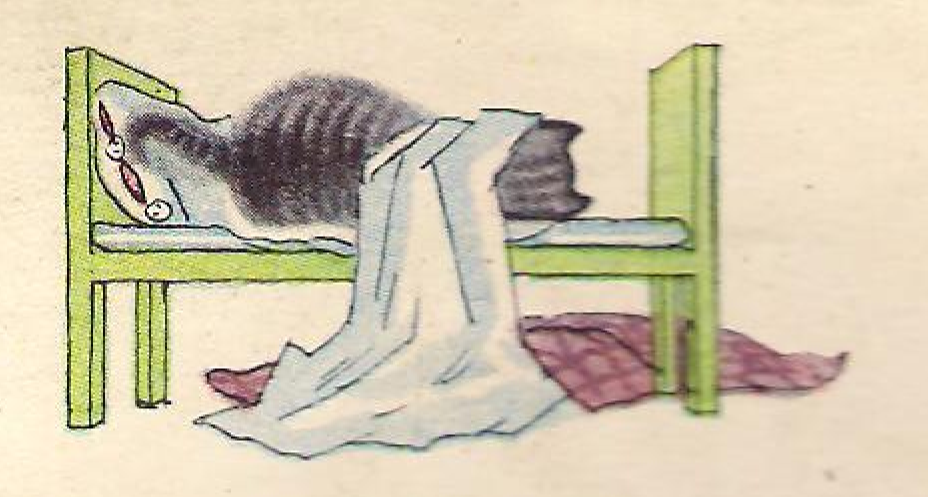
А кто сторонится труда,
Тот не годится никуда!

Г. ЛЮШНИН

Рисунок Лизы Ерёминой, 8 лет.

Самуилу Яковлевичу Маршаку исполнилось семьдесят лет. И огромная армия читателей поздравляет любимого писателя с днём рождения.

Поздравляют на русском языке, на украинском, на узбекском, поздравления шлёт Алтай и Камчатка, Урал и Кавказ.

Все ребята очень любят Маршака. Ведь это Маршак познакомил их с бесстрашным пожарником Кузьмой, с потешным Человеком рассеянным с улицы Бассейной, с глупым маленьким мышонком и мистером Твистером — бывшим министром. Ведь это Маршак рассказал о войне с Днепром, и о том, откуда стол пришёл, и о неизвестном герое, и об удивительном путешествии письма, посланного Борису Житкову. А сколько он рассказал сказок и небылиц, сколько загадал загадок — и не перечтёшь!

Ребята любят стихи Маршака за то, что они весёлые, за то, что они интересные. А ещё за то, что Маршак разговаривает с ними, с маленькими читателями, с большим уважением. Он никогда не говорит: «Это, ребята, вам рано знать». Ребята должны знать, кто такие капиталисты. И они узнают об этом, когда читают книжку Маршака «Мистер Твистер». Ребята должны знать, как жили люди при царе, кому принадлежали дома и заводы. И они узнают об этом, читая книжку Маршака «Быль-небылица». Ребята хотят знать о стройках, о войне, о подвигах советских людей. И они читают книги Маршака: там рассказано обо всём самом важном.

Маршака знают и любят все, кто когда-нибудь да был маленьким. А маленькими были все. И даже очень солидные дяди и тёти тоже когда-то были маленькими и читали стихи Маршака. И они тоже сегодня вместе со своими детьми поздравляют с днём рождения Самуила Яковлевича Маршака и желают ему здоровья, счастья и всего того, что желают в день рождения самому близкому человеку.

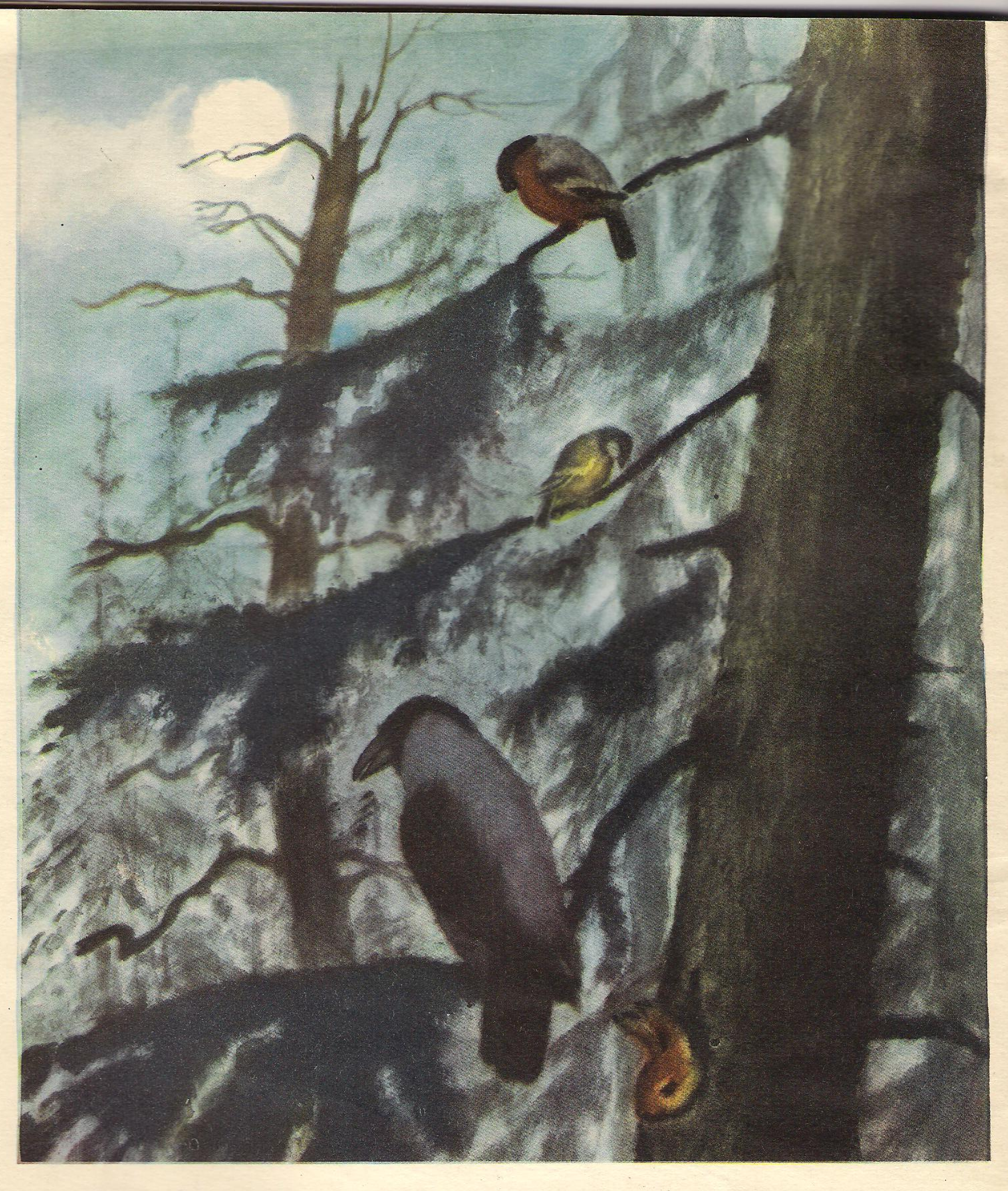
ТИХАЯ СКАЗКА

С. МАРШАК *Рис. В. ЛЕБЕДЕВА*

Эту сказку ты прочтёшь
Тихо, тихо, тихо...
Жили-были серый ёж
И его ежиха.

Серый ёж был очень тих
И ежиха тоже.
И ребёнок был у них —
Очень тихий ёжик.

Вот отправились гулять
Ночью вдоль дорожек
Ёж-отец, ежиха-мать
И ребёнок-ёжик.

Вдоль глухих осенних троп
Ходят тихо: топ-топ-топ.

Спит давно народ лесной.
Спит и зверь и птица.
Но во тьме, в тиши ночной
Двум волкам не спится.

Вот идут на грабежи
Тихим шагом волки...
Услыхали их ежи,
Подняли иголки.

Стали круглыми, как мяч, —
Ни голов, ни ножек.
Говорят: «Головку спрячь,
Съёжься, милый ёжик!»

Ёжик съёжился, торчком
Поднял сотню игол...
Завертелся волк волчком,
Заскулил, запрыгал.

Лапой — толк, зубами — щёлк,
А куснуть боится.
Отошёл, хромая, волк,
Подошла волчица.

Вертит ёжика она:
У него кругом спина.
Где же шея, брюхо,
Нос и оба уха?..

Принялась она катать
Шарик по дороге.
А ежи — отец и мать —
Колют волчьи ноги.

У ежихи и ежа
Иглы, как у ёлки.
Огрызаясь и дрожа,
Отступают волки.

Шепчут ёжику ежи:
— Ты не двигайся, лежи...
Мы волкам не верим,
Да и ты не верь им!

Так бы скоро не ушли
Восвояси волки,
Да послышался вдали
Выстрел из двустволки.

Пёс залаял и умолк...
Говорит волчице волк:

— Что-то мне неможется.
Мне бы тоже съёжиться.
Спрячу я, старуха,
Нос и хвост под брюхо!

А она ему в ответ:
— Брось пустые толки!
У меня с тобою нет
Ни одной иголки.

Нас лесник возьмёт живьём...
Лучше вовремя уйдём!

И ушли, поджав хвосты,
Волк с волчицею в кусты.

В дом лесной вернутся ёж,
Ёжик и ежиха,
Если сказку ты прочтёшь
Тихо,
Тихо,
Тихо...

ОКТАВЬЯН ПАНКУ-ЯШЬ

ТЯЖЕЛА ЖИЗНЬ, ПЕТЯ!..

Румынский писатель Октавьян Панку-Яшь и художник Юрие Дарие-Максимчук, наши давние друзья, были на Московском фестивале. В дни фестиваля они принесли нам в редакцию рисунки и рассказ, которые мы и печатаем в этом номере.

Не знаю, бывали ли вы в Бухаресте, а вот я много раз был в Москве. И если на красивой улице Горького немного поистёрлись кое-где тротуары, то знайте, что это и по моей вине. Я там гулял раз сто, не меньше...

И вот, гуляя по Москве, я собрал целый мешок различных происшествий. Мешок я отправил самолётом в Бухарест, но потом я обнаружил, что один случай остался неотправленным.

Если разрешите, я расскажу вам его.

Как-то летним утром я отправился к ближайшей станции метро. Если вас интересует, могу вам сказать к какой, это не секрет: станции имени Маяковского. Вместе со мной в метро попытались войти два мальчика. Один повыше, другой чуть ниже ростом. Возможно, они перешли во второй класс, а может быть, я ошибаюсь (и в таком случае прошу прощения)... может быть, они уже в третьем классе. Меньший не должен обидеться, потому что ему никак нельзя дать больше восьми лет, на вид по крайней мере.

И знаете, почему они хотели войти в метро? Не потому, что им нужно было спешно съездить куда-нибудь. Нет! Их прельщал эскалатор. Хотелось ребятам спуститься по движущейся лестнице, подняться и снова спуститься — хоть сто раз! Не спорю, приятно прокатиться по лестнице! Стоишь, а она движется. Мне бы такую самописку. Я держу её, а она сама знай пишет сказки для ребят. Вот здорово было бы! Я бы тогда и стишки писал почаще. Да нет, шучу. Мне, правду сказать, не нравится сидеть без дела да чтобы другой за меня работал.

Вернёмся к тем двум ребятам. Итак, они хотели спуститься в метро. Но это нелегко, когда твой нос достаёт только до ручки дверей. Кассирша сказала им:

— Вы ещё малы, ребята. Без родителей нельзя ездить.

Друзья сжали в кулачках денежки и тяжело вздохнули. А старший даже сказал:

— Эх, тяжела жизнь, Петя!..

И, так как жизнь тяжела, оба купили по порции мороженого, потом по цветному шару... И, так как жизнь тяжела, решили повторить ещё по одному эскимо... А потом удалились, насвистывая и прыгая бойко на одной ножке...

И знаете, ребята, что я хотел бы?

Чтобы всюду на земле жизнь была такой же... «тяжёлой»!

Вот и всё!

Перевёл с румынского М. Розенфельд

1. Вырастим с любовью этот цветок. Он нам очень нужен.
2. — Ты что, собираешь значки?
— Нет, просто не хочу, чтобы мама заметила, что я испачкал рубашку.
3. — Видишь голубя? Это я его вырастил...
4. Где жёлтая краска? Ах, это Миша хочет кота украсить к фестивалю...
5. Как бы получить ещё один автограф...

На обложке репродукция с картины художника А. Варламова

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Г. Морозова*

Год издания тридцать третий Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подп. к печати 28/IX 1957 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$ = 1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1926

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

СССР

РСФСР

Украинская ССР

Эстонская ССР

Таджикская ССР

Киргизская ССР

Туркменская ССР

Грузинская ССР

Белорусская ССР

Молдавская ССР

Азербайджанская ССР

Казахская ССР

Узбекская ССР

Латвийская ССР

Армянская ССР

Литовская ССР